

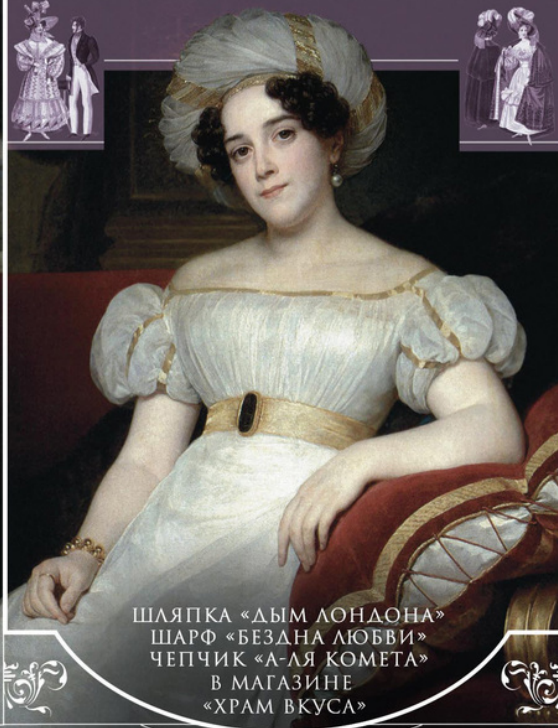
ТАТЬЯНА РУДЕНКО

МОДНЫЕ МАГАЗИНЫ

МОДИСТКИ МОСКВЫ

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

ШАПКА «ДЫМ ЛОНДОНА»
ШАРФ «БЕЗДНА ЛЮБВИ»
ЧЕПЧИК «А-ЛЯ КОМЕТА»
В МАГАЗИНЕ
«ХРАМ ВКУСА»

Татьяна Владимировна Руденко

Модные магазины и модистки Москвы первой половины XIX столетия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9814711

*Модные магазины и модистки Москвы первой половины XIX
столетия / Руденко Т.В.: Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-05132-5*

Аннотация

Настоящее краеведческое исследование посвящено модным магазинам и модисткам Москвы первой половины XIX столетия. Предпринята попытка обозначить наиболее известные имена мастериц и торговцев модами, контуры их судеб, характерные черты их деятельности, имена заказчиков. Представленные материалы относятся преимущественно к магазинам класса люкс, таким как фирмы Сихлера, Монигетти, Лебура, для которых возможно проследить примерный период существования магазина и получить представление об ассортименте. В работе использованы сведения из архивных документов, газет, журналов и городских справочников XIX века, отчетов московского обер-полицмейстера, очерков, дневников и воспоминаний современников, исследований по истории культуры и быта.

Содержание

Предисловие	7
«Брюно известен башмаками»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Татьяна Руденко
Модные магазины и
модистки Москвы первой
половины XIX столетия

Художественное оформление Я.А. Галеевой

В оформлении переплета использована репродукция портрета княгини Натальи Степановны Голицыной художника Луи Эрсана

Предисловие

Первая половина XIX столетия прежде всего ассоциируется с именем А.С. Пушкина и золотым веком отечественной истории, периодом расцвета дворянской культуры. С портретов, выполненных выдающимися живописцами, на нас смотрят благородные мужи и их изящные современницы. Мы знаем, что в императорских резиденциях и дворянских домах устраивались великолепные балы, а образованные дамы объединялись в салоны для музицирования, чтения, обсуждения литературных и театральных новинок и светских новостей. Но чтобы позировать живописцу, блистать на балу, отправляться с визитами к тетушке, посещать музыкальный салон графини N., требуется подходящий туалет. И если о моде того времени можно судить по портретной живописи и по специальным изданиям, посвященным костюму, то на вопрос, где брали необходимую одежду, ответ найти гораздо труднее.

Изучение торговой жизни городов затруднено недостатком информации. История донесла до нас ряд адресов и имен торговцев, но подробности торговых операций, детали биографий, жизненные перипетии и уж тем более переживания, интересы и увлечения модисток и их ближайшего окружения не откроются нам уже никогда. Историки, изучающие деятельность и образ жизни купечества, постоянно

сталкиваются с этой особенностью: «Главная трудность работы над историей купеческих семей заключается в том, что почти не сохранились (или еще не выявлены) их семейные архивы. В нашем распоряжении нет семейной или деловой переписки, мы не можем из первых рук узнать о суждениях этих людей, их оценках лиц и событий, об их пристрастиях и увлечениях»¹. Однако в отношении русского купечества это справедливо лишь отчасти, ибо существует ряд опубликованных мемуарных текстов², в музейных собраниях хранится многотомное эпистолярное наследие иных представителей купеческого сословия³, по различным архивам разбросаны купеческие дневники и воспоминания, и «как теперь выясняется, их число довольно значительно, по крайней мере, существенно больше, чем считалось ранее»⁴. Кроме того, характеристики русских купцов и оценку их разносторонней деятельности можно обнаружить в дневниках, воспоминаниях и переписке их современников. В то же время указанная трудность становится непреодолимой при исследовании жизни и деятельности иностранцев, работавших в России. Между тем некоторые иностранные торговцы и промышленники оставили воспоминания о своем пребывании в России, но многое из этого наследия продолжает оставаться неизвестным русскому читателю⁵.

Художественное и фотографическое наследие не богато изображениями лавок, по крайней мере, публикуются такие

живописные автографы крайне редко. Неизвестны или не выявлены фотопортреты торговцев и мастериц, хотя во второй половине XIX столетия состоятельный горожанин вполне мог позволить себе фотокарточку. Кроме того, купцы вели торговлю в разных городах, выезжали на ярмарки и в курортные зоны

России, что увеличивает и усложняет область поиска. Также затруднительно проследить их дальнейшие судьбы и судьбы их потомков, ведь часть из них покинула Россию задолго до революции, дети же не всегда продолжали дело родителей, некоторые, получив образование, становились врачами, учителями, архитекторами. Дух московских торговых заведений и вовсе исчез, ибо большинство зданий, в которых помещались французские лавки, многократно перестроены в более поздние времена или снесены.

Рекламные объявления в газетах и журналах сами по себе не дают объективных представлений о качестве производимой одежды и круге покупателей, для прояснения этих вопросов необходимо учитывать отзывы современников. Различные фирмы проводили разную рекламную политику, причем некоторые успешные торговцы одеждой не слишком увлекались рекламой, – видимо, известность была столь широка, что не требовалось привлекать дополнительного внимания публики. К таким мастерским прежде всего относится фирма Сихлера. Напротив, многочисленная реклама давалась мастерицами, изделия которых современни-

ки оценивали не слишком высоко; например, газеты из номера в номер сообщали о новинках и поставках в магазине Истоминой, но современница утверждала: «Не ищите здесь доброкачественности материала и элегантности форм»⁶. Одновременно Анжелика Фабр активно публиковала рекламу в газетах, при этом издатель одного из модных журналов рекомендовал ее магазин в числе «признанных общим мнением за первые»⁷.

Немногие упоминания о модистках, портных и торговцах модами в литературных текстах окрашены сарказмом и неудовольствием. Авторы пренебрежительно писали, что какая-нибудь Эмма Брульяр, модистка из Парижа, «выросла и была швейкою в Монбельяре, но за неимением там насущного хлеба вместе с прочей ватагой своих соотечественников прибыла в Россию для приобретения наших полновесных рублей. <...> Нужда приучила ее к экономии, а горе и скитальческая жизнь к кротости и терпению»⁸. Факт отсутствия свидетельств современников, видимо, объясняется двумя причинами: первая – обращение к модистке было повседневным явлением и не вызывало интереса мемуаристов, другая причина – мастерство швеи пользовалось большим спросом и часто хорошо вознаграждалось, но не уважалось обществом. В этом смысле интересно суждение С.П. Жихарева о мадам Дюпаре: «Я очень понимаю, что талантом можно возвысить свое положение в свете, и нимало не удив-

ляюсь, если горничная, булочница или швея поступают на сцену, делаются актрисами или танцовщицами, но чтоб актриса, жена превосходного актера, обратилась добровольно в швею – этого постичь не могу. Однако ж пример перед глазами. Проезжая Кузнецкий мост, я заметил на доме Дюмутье новую вывеску: Nouveau magasin de modes – новый магазин мод госпожи Дюпаре, бывшей актрисы французского театра в Москве. Вот куда спустилась рыжая Арисия!»⁹

Впрочем, уже тогда деятельность модистки понималась как разновидность искусства. Газета «Молва» писала: «Настоящая модистка не работница, которая делает корсеты или вышивает на срок! Нет, она артистка, работающая свободно. Модистка есть поэт»¹⁰.

Работавшие в России французские модистки снабжали новинками императриц, спутниц и дочерей сановников, представительниц культурной элиты общества. Под руководством француженок постигали секреты мастерства русские женщины, со временем открывшие свои мастерские и передавшие полученные знания другим поколениям соотечественниц. Наконец, выставленные в витринах изделия воспитывали вкус у горожан, вызывая желание и у не очень состоятельной публики когда-нибудь приобрести что-то подобное. Кроме того, в швейных мастерских была занята значительная часть городского населения. Современный исследователь Е.В. Первушина именует их «городскими невидимками», руками которых «выполнялась значительная часть

работы, требующейся для того, чтобы город функционировал. <...> Можно сказать, что их вклад в городскую жизнь был неocenим настолько же, насколько он недооценен»¹¹.

Для модной промышленности первой половины XIX века характерно ручное производство предметов одежды, швейная машинка появится только в 1851 году. На большинстве сохранившихся образцов костюма отсутствуют клейма производителей, лишь в некоторых случаях можно найти маркировку на обуви. Одновременно происходил рост городского населения, вместе с которым заметно расширилась сеть ремесленных мастерских. В царствование Николая I путем введения высоких таможенных тарифов существенно ограничился ввоз импорта, многие виды тканей и предметы одежды производились внутри страны. И наконец, к середине века модная одежда начинает, хотя и робко, выходить за рамки исключительно дворянского платья.

Настоящее краеведческое исследование посвящено модным магазинам и мастерским Москвы первой половины XIX столетия. Предпринята попытка обозначить наиболее известные имена торговцев модами и модисток, контуры их судеб, состав семей, характерные черты их деятельности, имена заказчиков. Представленные материалы относятся преимущественно к магазинам класса люкс, ибо упоминания о них встречаются в литературных памятниках, разнообразные сведения сохранились в архивных документах, а газетные рекламные объявления позволяют проследить пример-

ный период существования магазина и в некоторых случаях дают представление о его ассортименте. Необходимые источники автор нашла в Государственной публичной исторической библиотеке и Центральном историческом архиве Москвы. Основные результаты поисков опубликованы в виде статей¹².

Автор выражает признательность коллективу «Московского журнала» и лично Анне Филипповне Грушиной и Александру Александровичу Белаю. Интерес редакции к теме исследования во многом способствовал появлению данной работы. Возникшие в ходе поисков вопросы привели автора к Галине Михайловне Чижовой (Российская государственная библиотека искусств), свободно владеющей обширной информацией о литературе по искусствам, костюму и смежным вопросам. Ее живое участие и поддержка не оставляли автора.

«Брюно известен башмаками»

Заботы о туалете – неотъемлемая часть нашего быта, они занимают в той или иной мере каждого человека. Занимались они и наших предшественников. Представительницы всех сословий стремились обладать богатым и неповторимым гардеробом. Например, в Воронежской области до революции иная молодая крестьянка могла иметь до двенадцати праздничных нарядов, и это не считая воскресных одежд, причем иногда такие костюмы расшивались золотом¹³. Что уж говорить о горожанке, особенно если она обладала состоянием и положением в обществе.

В начале XIX столетия основными торжищами в Москве и Петербурге были Гостиные дворы, но существовали также и маленькие магазинчики. Дворянство нуждалось в изделиях высокого качества: приемы при дворе, балы, праздники, музыкальные вечера и спектакли, званые обеды, праздничные гулянья требовали от участников церемоний быть хорошо и в соответствии со случаем одетыми. Кроме того, в первой половине столетия наблюдался рост городского населения, вместе с которым неуклонно росло и количество модных магазинов. Московский справочник 1826 года содержит адреса 26 модных лавок, 7 магазинов разных вещей, 8 шалевых и 6 шляпных заведений¹⁴. В отчетах московского обер-

полицмейстера за 1837 год показаны 57 модных магазинов¹⁵, за 1838 год – 89¹⁶, к январю 1839 года их стало 61, через год – 64¹⁷. В документах начала 1840-х годов отражены не магазины, а ремесленные мастерские по производству «дамских модных уборов» – таковых в 1841 году – 18¹⁸, в 1842-м – уже 38¹⁹, а в 1843-м – 84²⁰. Московский справочник 1868 года содержит адреса 74 модных магазинов, 67 белошвейных заведений и магазинов готового платья, 191 женской портнихи, к которым следует добавить несколько десятков мануфактурных и галантерейных магазинов²¹.

Петербургская торговая сеть была заметно шире московской и уже в 1820 году охватывала 60 модных магазинов и 70 «галантерейных и разных духов магазинов»²². Городской указатель на 1823 год содержал адреса 40 модных магазинов, к которым следует добавить 23 магазина разных вещей, 6 шалевых, а также магазины перьев и искусственных цветов²³. Петербургский обер-полицмейстер сообщал о 118 модных магазинах в 1836 году²⁴. В последующие годы их количество почти не изменилось, в 1837 году – 122 магазина²⁵, в 1838 году – 119²⁶, в 1839 году – 121²⁷. Но по оценке очевидца, это «не мало! Особенно, если принять в соображение, что сюда не отнесены модные лавки Гостиного и Апраксина дворов, которые снабжают плащами и шляпками франтих низшего этажа»²⁸.

Под магазином разных вещей надо понимать универсальный магазин, пример такого заведения – Английский магазин Никольса и Плинке в Петербурге, основанный в 1789 году и располагавшийся на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы. Здесь продавали бриллианты, золото, серебро, бронзу, стальные изделия, разнообразные ткани, кружева, кисеи, шинели, плащи, шляпы для дам и мужчин, готовое платье, принадлежности дамского и мужского туалета, дамские уборы, косметику, хрусталь, кожаные чемоданы, ковры, охотничьи ружья, вина «и даже салат в банках!»²⁹.

Обозреватель газеты «Северная пчела» отметил сходство и различие двух столиц: «Кузнецкий мост в полном блеске: пропасть магазинов всякого рода, модных лавок; тут можно в один день истратить бездну денег. Великолепных магазинов, какие нередко у нас в Петербурге, там нет; помещение тесно, комнаты темны и низки, но товары группированы изящно и продаются так же дорого, как в Петербурге. В последнем Кузнецкий мост не отстает от Невского проспекта»³⁰. Екатерина Свербеева, прибыв в столицу, записала в дневнике: «Были в нескольких магазинах, великолепен Английский магазин, говорят, один из лучших в Европе, вся роскошь города – в магазинах, цены такие же как в Москве, выбор – намного лучше»³¹. Однако, по наблюдению иностранных путешественников, петербургские магазины уступали европейским, вот, например, замечание англичанина,

посетившего Россию в 1829 году: «Петербургские магазины не столь приметны, как лондонские, не столь богат в них и выбор товаров»³².

Тем не менее столичная торговля предлагала богатейший выбор товаров, в том числе по качеству и по цене. Посетителей манили затейливо оформленные витрины, учтивое обслуживание и комфортный интерьер. Провинциалка писала подруге из Петербурга: «Ничто не может сравниться с богатством здешних магазинов! Здесь собрано всё, что вкус и мода изобрели в Париже и Лондоне, всё, что может удовлетворить желаниям, прихотям...»³³ Литературная героиня Софья Николаевна Раховская посещала «большую приемную залу m-me Обон, с громадными шкапами, где помещались модели, и с столами, заваленными теми удивительными материями и отделками, каких кроме нее ни у кого нельзя было найти в Петербурге»³⁴.

Русские купцы открывали модные магазины в Гостином дворе, и в середине века лучшие из них уже мало отличались от салонов иностранцев: «Святилище мод устроено по всем правилам изящного вкуса: везде зеркала, направо и налево, даже под вами самый пол может, в случае надобности, служить зеркалом. Всюду видите вы, в шкафах и вне шкафов, предметы дамских нарядов, которых названия может удержать голова, одаренная редкою памятью. И вот, среди всего этого, вы видите человек пять или шесть прикащиков,

одетых по последней картинке лучшего парижского журнала мод.

Это не то что обыкновенные прикащики каких-либо других торговых заведений, нет, это скорее артисты, которые собрались сюда играть каждый свою роль с покупателями и покупательницами. Какая в этих молодых людях ловкость, сметливость, предупредительность; а разговор, несбивчивый на полпаузы, так увлекателен, что может быть взят в пример всяким светским человеком.

С 10 часов утра и до 9 вечера они без усталости на ногах. Все, что они в течение дня наговорят и переслушают, могло бы всякому другому вскружить голову»³⁵.

Варвара Петровна Шереметева, погрузившись в водоворот столичной жизни, активно посещала модные лавки и неоднократно делилась впечатлениями: «Была сегодня в башмачном магазине, купила себе белые туфли, магазин великолепный. Миллионы пар сделаны на все фасоны и всех цветов. Фасоны очень хороши и не так уже дорого. <...> Мне доставило большое удовольствие в этом магазине видеть русского купца с бородой – его хозяина, и все мальчишки тоже одеты там по-русски»³⁶. А вот еще примечательная запись: «Нет ничего более красивого, чем модная лавка m-me Xavier»³⁷. Я, которая не могу там покупать, хожу туда смотреть»³⁸.

Обилие товаров и вывесок, оживленность и разнообразие

картин на центральной улице столицы находили отражение в литературе, сохранилась поэтическая зарисовка Невского проспекта середины столетия и одновременно путеводитель по всем его достопримечательностям:

Как струнка улица прямая,
Верст семь с начала и в конец;
А ширина-то уж какая:
Для всех проспектов – образец!
И здесь, я вам скажу не ложно,
Нельзя нужды ни в чем терпеть;
И не сходя с проспекта, можно,
Чего захочешь – все иметь.
Все что угодно – под руками:
Зубным нет счету докторам,
Ступите шаг и, перед вами,
Уж магазин для модных дам.

.....

Все здесь с изяществом, все с тоном,
Во всем здесь виден светский быт.
А вот модистка и с картоном,
С наколкой новою спешит.
Столичный фронт в усах, с очками
За шляпкой гонится порой,
А вот почти что перед нами
Гусар несется молодой.
Для многих Невский – разоренье!

Последний грош идет ребром,
Иной убьет свое имя
За честь считаться невиским львом.
Лихач его развозит всюду, —
Одет по моде, раздушен;
Везде сорит он денег груду,
И все ж по-моему – смешон!
Видал я многие примеры,
Как часто этакой герой
Кутит год, два, не зная меры,
А там идет почти с сумой.

.....

Назавтра те ж опять картины,
Зачем мне снова повторять;
Так поглавное магазины
Хочу на Невском описать:
Что дом, то вывесок без счету
Размещено по всем местам.
Купить имейте лишь охоту.
Вот шляпы, чепчики для дам.
И этим Вихман щеголяет,
Трепхан³⁹ и Крюгер⁴⁰, Кеньереш,
По моде Тринклер⁴¹ одевает.
А вот токарь известный Эш.
На все французы очень тонки,
Во всем у них изящный вкус;

У Пельц⁴² же чудо амазонки,
У Ад – прелестнейший бурнус.
Брюно известен башмаками,
По всей столице, с давних пор,
Но, верно, знаете вы сами,
Что это правда, а не вздор.
Так и хвалить мне стать какая,
Скажу об нем лишь я одно:
Что, дамской обувью снабжая,
Всем услужить готов равно⁴³.

Лучшие московские магазины одежды, обуви и аксессуаров обосновались на Кузнецком Мосту и в прилегавших к нему улочках, а также на Тверской улице, Петровке, в переулках между улицами Тверской и Большой Дмитровкой. По свидетельству современника, на Кузнецком Мосту «все стены домов почти завалены... картинками модной промышленности; но и в других местах нередко встретите подобныя вывески. <...> Вывески модисток имеют различную форму, но по большей части являются четырехугольные продолговатые, и обыкновенно на одной стороне листа изображается салоп, а на другой платье; в середине же на маленьком столике, или на подставке чепец, или два, а иногда вместо этого корсет со всем прибором, т. е. с костями и шнурками. <...> Надпись обыкновенно изображается внизу или наверху вывески: на некоторых можете видеть слова: Модный магазин, такой-то, а на других просто имя и фамилию содержатель-

ницы, с прибавлением слова Modes. Весело смотреть на вывески модисток, особенно, когда вспомнишь, что предметы этой промышленности выходят из рук хорошеньких швей. И в самом деле, кто из москвичей не знает швей Кузнецкого моста!.. Пройдите мимо любого магазина, взгляните в окно, и вам представится группа сидящих швей, занятых своей работою.»⁴⁴

К середине века в иных магазинах имелось по несколько торговых залов: например, в модном магазине «Ревель» (Кузнецкий Мост, дом князя Голицына) «в первой комнате торговали различным товаром, во второй готовыми дамскими верхними платьями, а в третьей принимались заказы на остальной женский туалет»⁴⁵.

Модные магазины, деятельность которых можно считать успешной, существовали около 25–30 лет. Фактически это период физической и социальной активности индивидуума или одного поколения, сравнимый с современным стажем работающего человека. Назовем некоторые популярные фирмы.

Мастерская дамских нарядов на Кузнецком Мосту в доме Бекерса, принадлежавшая француженке Виктории Андреевне Лебур¹, воистину долгожительствовала. Ее активность в Первопрестольной прослеживается с декабря 1804 года, когда торговка модами дала объявление на французском языке

¹ Или Лебург, от *фр.* Lebourg. (Здесь и далее примеч. авт.)

ке в газете «Московские ведомости» об открытии магазина, в котором продавались чепчики, шляпки, кружева, прочие предметы одежды и бижутерия по фиксированным ценам⁴⁶.

Екатеринобургскія каменные издѣлія.	<p>Мебель, зеркала, посуды и пр.</p> <p>Золотыя и серебряныя вещи.</p> <p>Карманные часы.</p> <p>Бинокли, альбомы, рамки, револьверы и пр.</p> <p>Шубы и пальто.</p> <p>Гасстухи, чулки, кружева, бѣлыя и пр.</p> <p>Туфли изъ лыка.</p> <p>Фарфоро-металлическія надгробныя вѣнки.</p> <p>Мраморныя памятники, готовые и на заказъ.</p>	<p>И. Ф. БРЮНО.</p> <p>ВСЕОБЩІЙ БАЗАРЪ</p> <p>14 Петропавловская улица 14</p> <p>ВЪ КАЗАНИ.</p> <p>ПРИНИМАЕТЪ НА ПРОДАЖУ: мебель, посуду, музыкальные инструменты и всѣ предметы домашней обстановки.</p> <p>СКЛАДЪ</p> <p>жидкаго костяного клея: въ 1, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ фунт. стеклянкахъ.</p>	<p>Музыкальное отдѣленіе.</p> <p>Инструменты новыя и случайныя: рояли, пѣяно, фисгармоніи, скрипки, гитары, виолончели, флейты, клареты, корнеты, гармоніи и пр.</p> <p>Скителі, струны, пюпитры, козлы, камертоны и др. музыкальныя принадлежности.</p> <p>НОТЫ: большой выборъ русскихъ и иностран. издѣлій, пополняемыхъ выходящими новостями.</p> <p>Каталоги бесплатно.</p> <p>БИБЛИОТЕКА для чтенія русскихъ, французскихъ, немецкихъ и англійск. книгъ.</p> <p>Базе 14,000 томовъ.</p> <p>Отдѣльные абонемента на русскія книги отъ 25 к. въ мѣсяцъ.</p>	Рояли Бекеръ. — Пѣяно Гетте.
	Русское ВІНОГРАДНОЕ ВІНО собственнаго розлива и выдержки.			

Реклама из книги «Казань в ее прошлом и настоящем» Составил М. Пинегин. СПб.: Издание книгопродавца А.А. Дубровина, 1890

В эти же дни Московский городской магистрат рассматривал ее прошение в «московское купеческое звание временно записать»⁴⁷. Нам не удалось установить, как это купеческое семейство проживало осень 1812 года, когда Наполеон занял Москву. Лавка возобновила работу в октябре 1813

года, о чем писала современница: «...я отправилась на Кузнецкий в бывший магазин М-ле ле-Бур. С улицы он был заперт и видом своим напоминал заколдованный замок. Старый Аркадий, наш верный слуга, походив по двору, доложил мне, что можно войти со двора. Я пошла вслед за ним; мы попали в темный коридор, где столкнулись с какой-то личностью, спросившей нас, что нам нужно. Я объяснила, в чем дело, и мне отвечали, что все вещи уложены, магазин переезжает в другое место, через несколько дней он будет открыт, тогда я могу пожаловать за покупками»⁴⁸.

В отличие от большинства коллег по цеху, объявлявших себя купцами 3-й гильдии на протяжении всей своей деятельности, Виктория Андреевна умножала капитал. В середине 1810-х годов она – купчиха 3-й гильдии⁴⁹, в 1830-х годах – 2-й гильдии⁵⁰, в 1840-х – 1-й гильдии⁵¹. В 1848 году семейству пожаловано потомственное почетное гражданство. К началу 1840-х фирма Лебур представляла собой настоящее промышленное предприятие, в котором числились 43 работника и 37 учеников⁵². Виктория Андреевна умерла 30 апреля 1854 года в возрасте 80 лет, она упокоилась на Иноверческом кладбище на Введенских горах⁵³. В торговых делах ей помогали дочь Луиза и сыновья Гаврила и Карл, которые продолжили семейное дело после смерти матери. По сведениям Московской торговой депутации, в 1860 году «почетная гражданка московская 2-й гильдии купчиха

Елизавета Константинова Лебур. на Кузнецком мосту в вотчине Бекерса производит торговлю модными уборами и тут же имеет сих уборов заведение², на котором находится 1 мастерица и 20 учениц, тем и другим заведует сама и показана живущею в сем доме», одновременно она содержала в Тверской части в доме Кожина гостиницу «Север»⁵⁴.

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ

Г-жи Лебуръ,

на Кузнецкомъ мосту, въ д. Бекерса.

Въ этомъ магазинѣ можете найти большой выборъ шляпъ, чепцовъ и coiffures, также всякаго сорта модныхъ шелковыхъ и другихъ новѣйшихъ товаровъ. Г-жа Лебуръ также принимаетъ заказы платьевъ, мантилій, салоповъ, всякаго рода приданаго—это все исполняется въ самомъ скорѣйшемъ времени и надлежащей точности.

Реклама модного магазина Виктории Лебур из городского справочника на 1853 г.

Однако в своем объяснении Елизавета Константиновна сообщила следующее: «В Тверской части в гостинице в доме Кожина при торговле нахожусь сама. <...> В Мясницкой ча-

² То есть мастерскую.

сти в модном заведении в доме Беккерс, которое мною ныне уже прекращено, торговлю производит состоящая в одном со мною капитале родного брата моего Карла усыновленная дочь девица Виктория»⁵⁵. Об этой девице Виктории Киньон мы скажем подробнее ниже. Семья Лебур значится среди прихожан церкви Святого Людовика на Малой Лубянке⁵⁶.

Je soussigné Jean Francois Chibreau, prêtre
 vicaire de la paroisse de St Louis, à Mexico certifie que Mr Pierre Joseph
 Morand de Madras, Madame Ursule Joseph, née
 Talbot, en légitime épouse, ainsi que toute la famille
 professe la religion catholique apostolique et Romaine,
 ce que j'atteste comme lui l'estant, et appose le sceau
 de mon Eglise.
 Mexico le huit Novembre mil huit cent trente trois.

J. Chibreau

~~prêtre vicaire de la paroisse de St Louis~~

notamment en ce qui concerne
 l'administration des biens de la paroisse
 de St Louis.

Supplément

Il soussigné Jean Francois Chibreau, prêtre
 vicaire de la paroisse de St Louis, à Mexico certifie que Mr Pierre Joseph
 Morand de Madras, Madame Ursule Joseph, née
 Talbot, en légitime épouse, ainsi que toute la famille
 professe la religion catholique apostolique et Romaine,
 ce que j'atteste comme lui l'estant, et appose le sceau
 de mon Eglise.
 Mexico le huit Novembre mil huit cent trente trois.

Свидетельство, выданное купцу Петру Буасселю о том, что он и все его семейство исповедуют католическую апостольскую римскую религию. 1833 г.

В доме Всеволожского на Кузнецком Мосту около четверти века держал модный магазин Петр Иванович Буасель³ с супругой Урсулой Ивановной (урожденной Тальбо⁵⁷). Петр Иванович – дамский портной мастер⁵⁸. Самая ранняя обнаруженная нами реклама их ателье относится к 1814 году, а городской справочник 1839 года упоминает о мастерской дамских уборов Урсулы Ивановны⁵⁹. К 1839 году относится переход Петра Ивановича из московского в воронежское купечество⁶⁰, тем не менее торговцы не покинули Москву, семейство Буасель в 1843 году значится среди прихожан церкви Святого Людовика⁶¹.

Урсула Ивановна и Петр Иванович вырастили троих детей: сына Карла, дочерей Марью и Евгению⁶². Карл, «находясь у родителя... занимался... при пособии наемных учителей латинским языком и протчими предметами», в 1831 году в возрасте 17 лет поступил в московское отделение Медико-хирургической академии, «по малоуспешности к наукам» был оставлен на второй год в первом классе и в 1833 году подал прошение об увольнении из числа учеников «по расстро-

³ Боассель, в некоторых документах – Баусель.

енному своему здоровью»⁶³. Через год он выдержал экзамен на знание французского языка – и Училищный комитет Императорского Московского университета выдал ему свидетельство, дававшее право «с пользою обучать первым началам онаго языка в частных домах»⁶⁴. С 1837 года Карл Петрович состоял в звании домашнего учителя⁶⁵. О педагогических трудах Карла ничего не известно, но сохранился документ, свидетельствующий о серьезных проблемах с его здоровьем и склонности к горячительным напиткам⁶⁶. В 1843 году он помещен в Московский комитет о просящих милостыню.

Не менее четверти века существовала мастерская Аделаиды Степановны Менне⁴. В 1826 году «портная, бывшая в магазине Латрель на Кузнецком мосту... открыла под именем Адель Менне лавку для шитья женских платьев»⁶⁷. Ее заведение существовало по крайней мере до 1849 года⁶⁸. Аделаиде Степановне помогала дочь Матильда, муж Аделаиды Марк торговал шляпами и товарами для военных. Аделаида Менне с детьми Франсуа, Матильдой и Викториной значатся среди прихожан церкви Святого Людовика⁶⁹. Мадам Менне дожила в Москве до глубокой старости и умерла 29 декабря 1884 года в возрасте 82 лет, ее похоронили на Иноверческом кладбище на Введенских горах. Матильда упокоилась рядом

⁴ Adele Mennet (фр.).

с матерью в 1892 году⁷⁰.

Анжелика Фабр (Fabre) торговала модами не менее трех десятилетий; крайние даты ее рекламы, обнаруженной нами, относятся к 1837 году, когда она перевела свое заведение в дом генерала Самарина в Газетном переулке, и к 1868⁷¹ году. В марте 1855 года модистка предлагала «хороший выбор траурных шляп»⁷², что, вероятно, связано с трауром по императору Николаю Павловичу. О семье этой французской подданной ничего не известно, газеты сохранили упоминание о Сесилии Антуанете Генриетте Фабр⁷³, кроме того, в начале 1853 года рядом с ее мастерской «Г[осподин] Фабр. открыл новое дагерротипное портретное заведение»⁷⁴.

Немногим больше можно сказать о семейной паре Дени (Denis). Эта чета, как и еще несколько супружеских пар (модистка Лангле и парикмахер Лангле, их коллеги чета Ларю), работали, так сказать, в смежных «отраслях»: муж занимался парикмахерским мастерством, а жена производила дамские головные уборы. По сути, супруги дополняли друг друга. Парикмахер Жан Луи Дени появился в Москве около середины 1830-х годов⁷⁵, а в 1841 году Александрина Дени открыла салон дамских шляпок. Согласно переписи 1850 года, Жан Луи, имея от роду 40 лет, числился купцом 3-й гильдии Гостиной слободы, получившим российское подданство в 1845 году. Он состоял в браке с Александрой Михайловной 38 лет и имел семилетнюю дочь Хионию. Жан Луи – католик,

жена и дочь – православные⁷⁶. Открывая мастерскую, шляпница сообщала, что она пользовалась «уроками в самых первых модных магазинах Парижа»⁷⁷. Последнее вместе с православной верой может означать, что Александра Михайловна происходила из русских, познакомилась с французом Дени в Москве и вышла за него замуж, а он отправил ее на «стажировку» в Париж. Судя по газетной рекламе, шляпная мастерская существовала до конца 1850-х годов⁷⁸.

Каждый горожанин нуждался в добротной обуви. Современник писал: «Если желаете иметь хорошо обутую ногу, идите на Кузнецкий мост к Брюно, Пиронету, на Дмитровку к Такке; какой бы вы ни были пешеход, три пары их сапог на год будет достаточно»⁷⁹. Эти мастера обслуживали как мужчин, так и дам. Бельгийские подданные Пироне производили обувь в Москве с 1830-х годов, их адрес – дом военных кантонистов позади Малого театра⁸⁰. Карл и Матвей Пироне – прихожане католической церкви Святого Людовика на Малой Лубянке⁸¹. К началу 1860-х годов фирма Пироне арендовала помещения на Тверской улице, в доме Попова, затем в доме Голяшкина и являлась поставщиком герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого⁸². В 1870 году мануфактурист задумал расширить производство, преобразовав мастерскую в фабрику. В заключении Мануфактурного совета говорилось, что заведение Пироне «помещается в двух комнатах дома Сычева при магазине Пироне. Рабочих при заведении 20 че-

людей, в том числе мастеров 12 и учеников 8; помещения рабочих удобны. Сверх означенных рабочих на заведение Пироне работают живущие на стороне мастера числом около 20 человек. При заведении имеются 4 швейные машины и 1 для привинчивания подошв к обуви. Ежегодно готовится разнообразной обуви мужской и женской чистой отделки на сумму около 40 000 р. с.»⁸³. Купец 2-й гильдии 53-летний Матвей Пироне продолжал торговать обувью в доме Сычева на Тверской улице в середине 1870-х годов⁸⁴.

В 1895 году бельгийское консульство выдало свидетельство Марии Кристине Селесте Басту о том, что она состояла в браке с бельгийским подданным Андреем Пьером Шарлем Пироне и имела детей: Виржинию Марию Жозефину (родилась в 1875 году в С.-Петербурге, модистка), Жозефа Люсьена Поля (родился в 1877 году, служащий), Алексея Жозефа Андре (родился в 1879 году в С.-Петербурге, башмачник) и родившихся в Москве Андре Пьера Поля (1885), Матвея Владимира (1888), Мари Луизу (1893) и Элен Элизабету (1894)⁸⁵.

Жители обеих столиц хорошо знали изделия башмачника Якова Ивановича Брюно. В 1831 году его петербургский магазин располагался в доме графа Модена у Казанского моста⁸⁶. В том же году газета «Московские ведомости» уведомила, что «башмачный мастер их императорских высочеств великих княгинь Елены Павловны и Анны Павловны... пе-

ревел заведение свое из С.-Петербурга в Москву, которое находится близ Кузнецкого мосту в Софийском переулке в доме военных кантонистов, при сем объявляет иногородним особам, что его заведение не находится более в С.-Петербурге под его именем, и просит покорно адресоваться в Москву по вышеписанному адресу»⁸⁷.

at Général
BELGIQUE
Administrative et Centrale.

Moscou, le 28 Janvier 1895.

38

3442

86

Le Consul Général de Belgique dans la Russie
Septentrionale et Centrale, résidant à Moscou, certifie que
Bastou Marie-Christine, Célestine, épouse des belges
André-Louis Charles Pronet, négociante, née à Bruxelles
le 20 juillet 1854, fille de Joseph Bastou et de Marie
Conté, conjoints, _____
demeurant à Moscou et les enfants issus de son mariage:
Virginie-Maria-Josphine, modiste, née à Saint-Petersbourg, le
24 Décembre 1875, célibataire, _____
5 Janvier 1876
Joseph-Lucien-Paul, employé, né à Quillan (Aude) le 20 septembre
1877, célibataire, _____
— Alexis-Joseph-André, bottier, né à Saint-Petersbourg le 27 juillet
1879, _____
André-Pierre-Paul, sans profession, né à Moscou le 22 Janvier 1885,
5 Janvier 1885
Mathieu-Alexandre, sans profession, né à Moscou le 27 juillet 1882,
27 juillet 1882
Marie-Louise, sans profession, née à Moscou le 4/13 Janvier 1893,
4/13 Janvier 1893
Hélène-Elisabeth, _____ née à Moscou le 24 Décembre 1894,
24 Décembre 1894
demeurant à Moscou, sont inscrites sous les N°s 323, 324, 325, 326, 327,
328 et 329 au registre matricule des Belges résidant dans le ressort
du Consulat.

Le Consul Général de Belgique,

L. van Schepdael Thonis

Свидетельство, выданное Андрею Пьеру Шарлю Пироне и его жене об их детях

В 1840-х годах в числе прихожан московской церкви Святого Людовика значился Яков Брюно и его семеро детей: Христина, Генрих, Франциск, Людовик, Георг, Шарлота, София; дочь София – учительница⁸⁸. В 1859 году московский магазин расширился и переехал на Тверскую улицу в дом Манухина, теперь им владели брат и сестра Брюно, дети бывшего хозяина⁸⁹. Сестра – по-видимому, Христина Брюно, и ранее активно помогавшая родителю в его коммерческих делах⁹⁰.

Привилегированный башмачник между прочим предлагал «новоизобретенную обувь из чрезвычайно тонкой кожи белого бобра, надеваемую под чулки, потому что она, согревая ноги, в то же время предохраняет их от сырости»⁹¹. Особенно хороши были брюновские полусапожки. Иногородние покупательницы высылали свои башмаки, по которым им и выполняли заказы.

Внуко Помогает Столбцовъ Александръ

Высочайшее соизволение на дарование права башмачнику Брюно именоваться мастером великой княгини Ольги Федоровны. 1866 г.

Мастерская Брюно на протяжении нескольких десятилетий поставляла свои изделия Романовым. Однажды в его ма-

газине приобрели готовую обувь для Николая I, покупка обошлась в 42 руб. 90 коп.⁹² Разнообразные вещи шились для супруги Александра II императрицы Марии Александровны. В период беременности ноги великой княгини сильно опухали, и «надо было заказывать ботинки и калоши огромных размеров; калоши были ей невыносимы, тяготили и жали ноги. М-ме Брюно (башмачница) умудрилась делать ей калоши из перчаточной кожи на очень легкой и мягкой подкладке; конечно, гуляя в дождь и по топким дорожкам, не окорачивая платья и юбок, великая княгиня возвращалась с прогулки в таком виде, что надо было не только переодеться... калоши размокали и представляли нечто мягкое и неуловимо скользкое, а красная подкладка окрашивала и ботинки и чулки; всю эту обувь едва можно было стянуть с ног. Вследствие всего этого, ботинки и калоши заказывались дюжинами; калоши служили только на одну прогулку»⁹³.

В 1856 году учреждено звание поставщика императорского и великокняжеских дворов. В их число попадали производители ювелирных изделий, предметов роскоши, мебели, одежды и обуви, парфюмерии и косметики, продуктов питания. Для ремесленника или фабриканта получить такое престижное звание было большой удачей. Поставщики императорского двора изготавливали необходимые вещи и для повседневности и для торжественных случаев в жизни монарших особ. К ним поступали ответственные заказы при подготовке коронационных торжеств и приданого великих кня-

жон.

В рапорте шталмейстера двора великого князя Михаила Николаевича действительного статского советника Грота от 26 апреля 1866 года говорится: «За отличное исполнение за-казов государыни великой княгини Ольги Федоровны имею-щими в Санкт-Петербурге магазины французскими поддан-ными модисткою Мошера и башмачных дел мастером Брю-но, ея императорское высочество соизволила изъявить свое согласие на пожалование им права именоваться первой – по-ставщицею, а второму – мастером ея высочества и украсить магазины их вензелевым изображением государыни великой княгини»⁹⁴. Согласие великой княгини еще требовало «вы-сочайшего» утверждения, впрочем, и оно было получено. Кроме того, «в декабре 1865 г. государь император изволил разрешить башмачному мастеру Якову Брюно именоваться башмачным мастером государыни великой княжны Марии Александровны, с правом иметь на вывеске сего заведения вензелевое изображение имени ея императорского высоче-ства»⁹⁵.

Но на этом амбициозный ремесленник не остановился, а задался целью добавить на свою вывеску вензель цесаревны Марии Федоровны, жены будущего

Александра III. Секретарь цесаревны рапортовал мини-стру императорского двора 4 ноября 1869 года: «Корсетни-ца Гюссон и башмачник Брюно обратились к государыне ве-ликой княгине цесаревне с прошениями о дозволении им

именоваться поставщиками ея императорского высочества и иметь на вывесках изображение имени ея высочества.

Государыня цесаревна, имея в виду, что подобная милость, на основании принятого правила, оказывается только тем лицам, которые поставляли свои изделия ко двору не менее 8 лет, а потому не принимая на себя ходатайства по означенным просьбам, повелеть мне изволила довести об оных до сведения вашего сиятельства и присовокупить, что ея высочество с своей стороны соизволяет на эти просьбы во внимание к вполне добросовестному исполнению заказов делаемых со времени прибытия ея высочества в Россию как корсетницы Гюссон⁹⁶, так и башмачнику Брюно, из коих первая имеет уже счастье именоваться поставщицею ея императорского величества, а второй – поставщиком государыни великой княжны Марии Александровны и государынь великих княгинь Александры Иосифовны, Ольги Федоровны и Елены Павловны»⁹⁷.

Брюно проживали в России и в конце столетия. В делах Иностранного отделения канцелярии московского генерал-губернатора сохранилась выписка, согласно которой бельгийский подданный Александр Федорович Брюно католического вероисповедания и законная его жена Екатерина Михайловна Брюно православного вероисповедания имели сыновей Владимира 1882 г. р., Николая 1883 г. р., Сергея 1884 г. р. и Михаила 1886 г. р. Восприемницей младенцев

значится бельгийская подданная Анна Андреевна Брюно⁹⁸. У петербуржцев в конце столетия пользовался известностью шляпный магазин Л. Брюно на Невском проспекте⁹⁹. В те же годы в Казани существовали библиотека и магазин музыкальных инструментов и нот И.Ф. Брюно¹⁰⁰.

Качественные дамские башмаки изготавливали в мастерских Даниила и Александра Зарманов (Царманов)¹⁰¹. В газете 1835 года читаем: «Дамский башмачник, мастер Даниил Зарман, недавно приехавший из Лондона, где он работал всякого рода дамскую обувь новейшаго фасона для знатных особ, равно как в Париже и Берлине и здесь имевший магазин свой на Кузнецком мосту в доме Черткова, ныне производит мастерство свое в Газетном переулке в доме купца Живаго, где у него находится довольно количество означенной работы в готовности, также и на заказ делаются башмаки из золотой кожи»¹⁰². В 1837 году Даниилу Царману дозволено иметь на вывеске надпись «Башмачный мастер ея императорского высочества великой княжны Марии Николаевны»¹⁰³. В 1840 году у московского мещанина Даниила Зармана, работавшего в доме Евдокимова, служило 4 работника и 11 учеников¹⁰⁴. По ведомости 1846 года, в доме купца Алексеева Тверской части «рижский гражд[анин] Александр Зарман» занимался сапожным и башмачным ремеслом с 7 работниками и 9 учениками¹⁰⁵. По этому же адре-

су «московский» мещанин и временно московский 3 гил[ь-
дии] куп[ец] Леопольд Зарман» руководил портным мастер-
ством, имея в подчинении 16 работников и 8 учеников¹⁰⁶.
По крайней мере, пара дамских полусапожек, выполненных
в мастерской кого-то из Зарманов, сохранилась в фондах Го-
сударственного исторического музея. В середине 1870-х го-
дов в Первопрестольной проживали три купца 2-й гильдии
с той же фамилией – мужской портной Николай Зарман ра-
ботал в доме Солодовникова Мясницкой части, там же жил
и имел мастерскую мужской портной 23-летний Константин
Леопольдович Зарман.

М. 17. 1837. 10. 10. 1837. 10. 10. 1837.

1

УПРАВЛЕНИЕ

100211

ИМПЕРАТОРСКАГО

ДВОРА

КАНЦЕЛЯРИИ

по 2. Именным запискам со стороны Вашей
В. М. Моск. распоряжений, что профизажа
16. 10. 1837. ну в. Башнишнему ма-
стеру Царскому Государь Импе-
раторъ Высочайше дозволяет
иметь на выставку надписи:
Башнишный Мастер Ед.
Императорского Высочайше
Государя Императора
Марш Императоры.

103496

Министр Императорского Двора Императорского Двора Императорского Двора

Высочайшее дозволение Царману иметь на вывеске надпись «Башмачный мастер великой княжны Марии Николаевны». 1837 г.

Леопольд Александрович Зарман 57 лет жил и возглавлял заведение по производству мужской одежды в доме Иосифовского подворья на Ильинке¹⁰⁷.

Помимо портных, модисток, корсетников, перчаточников, белошвеек, обувщиков и парикмахеров в индустрии моды работало множество других ремесленников. В XIX веке дамы любили украшения из волос. И в Москве проживала мастерица, «производящая разное волосяное рукоделье», а именно: серьги, браслеты, кольца, кресты, цепочки для медальонов и другие изделия «по востребованию». По желанию заказчика вещица помещалась в золотую оправу. Мастерица не оставила нам своего имени, мы только знаем, что она приглашала своих потенциальных заказчиков на Тверскую улицу в дом Демидова, на углу Газетного переулк¹⁰⁸. Дамские наряды и прически требовали разнообразных украшений, например перьев или искусственных цветов. Изготовлением и размещением таких композиций занимались в специализированных мастерских. Искусность этих мастериц ценилась не меньше таланта ловкой закройщицы, ведь аляповатая аппликация портила самое изящное изделие. В журналах писали: «По наkolке пера можно судить о вкусе той,

которая носит шляпку, и той, которая его накалывала»¹⁰⁹.

Искусственные цветы обильно украшали платья, головные уборы, прически и даже шубы дам. Участница губернского дворянского бала «Людмилочка, беленькая, нежная блондинка, с голубыми глазами, была в белом *tulle d'illusion* платье, подхваченном букетами из незабудок; гирлянда из тех же цветов была приколта на ее пышно взбитые локоны»¹¹⁰. Дочь вице-президента Академии художеств Марию Федоровну Толстую впервые вывезли в петербургское Дворянское собрание в похожем наряде – «платье из тюль-иллюзион на белом атласном чехле с букетами бело-розовых яблочных цветов, – просто, молодо и мило»¹¹¹.

Покрой платьев и формы шляп менялись не так быстро, и вся новизна туалета определялась отделкой. Каждую неделю приходили известия о новых цветочных композициях. В марте 1831 года «Северная пчела» рекомендовала читательницам «шелковые шляпки лимонного или соломенного цвета с букетом фиалок, который утверждается наперед шляпки на верху, как помпон на кивере»¹¹². Об изощренности подобных украшений можно судить по следующему сообщению: «В цветочных магазинах делают розы, на которых видно несколько капель росы... они при свечах блестят, как алмазы. Эти розы в большой моде»¹¹³. Помимо цветов имитировали различную растительность, например, «на многих шляпках видны букеты из дубовых листьев с желудями»¹¹⁴.

Цветочницы «ваяли» веточки акации, ивовые, сиреневые и каштановые ветки, виноградные гроздья с зеленью и без зелени, камыш, плоды олив, слив, черешен, золотые и серебряные колосья.

В Москве производством искусственных цветов не менее полувека занималась семья де Ладвез. В 1820 году «Московские ведомости» объявляли: «На углу Рождественки, против Косметического магазина и Медико-Хирургической академии, в доме Маскле, под № 448, в модной лавке получены из Парижа шляпки новейшего фасона, также цветы разного сорта в самом лучшем последнем вкусе. Гг. желающие могут адресоваться к Елисавете Степановне Ладвес»¹¹⁵. В той же газете за 1832 год читаем: «В цветочном заведении г-жи Де Ладвез, состоящем на Петровке в доме Мельгунова, делаются цветы из соломы, самых последних фасонов»¹¹⁶. В первой половине 1870-х годов в Управлении императорскими московскими театрами служила цветочницей Елизавета Алексеевна де Ладвез, она проживала на Петровке в доме Пенского¹¹⁷.

Основательницей цветочной фирмы, по-видимому, надо считать Елизавету Розалию де Ладвез (Elisabeth-Rosalie de Ladeveze, 6 апреля 1784 – 3 февраля 1845)¹¹⁸. Она состояла в браке с Франсуа-Бернардом де Ладвезом (Francois-Bernard de-Ladeveze, 24 декабря 1756 – 2 сентября 1846). В московских адрес-календарях упоминались их сыновья –

подпоручик Петр Францевич¹¹⁹ и учитель I кадетского корпуса Андрей Францевич де Ладвез (14 октября 1807 – 26 июня 1857)¹²⁰. Отставной подпоручик Михаил Францевич де Ладвез служил у московского гражданского губернатора, он владел домом на Патриарших прудах¹²¹. Михаил Францевич славился цыганской пляской на танцевальных вечерах в Рязани в начале 1850-х годов. Мемуарист писал о нем: «Сын старого французского эмигранта, жена коего долго имела фабрику и магазин искусственных цветов в Москве на Петровке. <...> Этот Ладвез служил прежде в армейской пехоте и женился на девушке с порядочным состоянием. Один из его братьев, ученик Петербургской Академии художеств, вышел талантливым живописцем»¹²². Художником стал Стефан (Степан) Францевич де Ладвез (1817–1854/55), рано проявивший способности к искусству. Его определили в Академию художеств, где уже в 1835 году он получил 2-ю серебряную медаль за рисунок, работал в Италии, в 1853 году удостоился звания академика¹²³.

Наиболее активные и успешные торговцы имели лавки и магазины в нескольких городах страны, петербургские купцы чаще всего устремлялись в Москву, московские же отправлялись в другие губернии. Как сказано выше, семейство Брюно торговало обувью в обеих столицах.

В начале 1820-х годов в Москве на слуху была модная торговка мадам Мегрон, но еще в 1818 году в столице – в доме

Косиковского на Большой Морской улице – открыл модный магазин господин Мегрон, разумеется «прибывший сюда из Парижа»¹²⁴. Мария

Филипповна Дюлу с 1810-х годов держала модный магазин и винную лавку в Первопрестольной, в середине 1820-х имела «торговую точку» в Орле¹²⁵, а из переписки современников известно о существовании модного магазина Дюлу в Киеве.

Еще одно имя, знакомое жителям обеих столиц, – Вихман. В 1828 году «Петербургские ведомости» сообщали: «Готовые соломенные шляпы дюжинами и по отдельке разного фасона, а также и итальянские всех номеров можно получать и отдавать их мыть, по Демидову переулку в доме Линке, Софье Вихман»¹²⁶. В 1830-х годах модный магазин Вихман располагался по адресу: Невский проспект, 69¹²⁷. Справочник 1858 года сообщает: «Диль, Луи Эме. [Купец 3-й гильдии.] Имеет модный магазин под фирмою «Софья Вихман», 3 ч[ась] 1 кв[артал] в д[оме] Медникова. Жительство там же»¹²⁸. В 1848 году в Москве на Тверском бульваре в доме Засецкого открылся магазин A la ville de Paris мадам Вихман (Wichmann)¹²⁹, существовавший все следующее десятилетие¹³⁰. Она предлагала готовые изделия и принимала заказы на изготовление шляп, чепцов, эластических корсетов, визитных и свадебных платьев, мантилий, зимних салопов, детских платьев. Кроме того, в Тверской части Москвы

существовало портное заведение дерптского мещанина Карла Густава Вихмана, он шил пальто, сюртуки, жилеты, фраки, брюки, шинели. В 1840 году мастер работал в доме Варгина и руководил 2 работниками и 2 учениками¹³¹. В начале 1852 года мастерская переехала в Газетный переулок в дом Бекетова¹³², и в ней было 5 работников и 5 учеников¹³³.

РИСУНКИ МОДЪ ИЗЪ МАГАЗИНА ВУХМАНЪ.

4. Кортантъ.

1. Кромъ.

7. Египъ.

3. Рубанъ.

5. Марс-Анжонъ.

6. Ашлонъ.

8. Слонъ-модерно.

9. Габриелъ.

Рисунки мод из магазина Вихман. Реклама из газеты «Русский инвалид. Приложение». 7 апреля 1864 г.

Из нашего небольшого обзора видно, что наиболее известные и успешные модистки и торговцы тканями, платьем, обувью и галантерейными изделиями имели иностранное происхождение, среди них встречались французские, швейцарские, бельгийские подданные, выходцы из немецких и других земель. Современница рассказывала: «Улица, называемая Кузнецкий мост, издавна была заселена иностранцами: были французские и немецкие лавки. <...> Там торговали модным товаром, который привозили из чужих краев; были и свои мастерицы в Москве, но их обегали, и кто побогаче, все покупали больше заграничный привозной товар»¹³⁴. Другой очевидец писал: «Сожалея. должен я признаться, что большая часть лучших процветающих магазинов, так сказать, приучивших к себе покупателей, принадлежит иностранцам. <...> Благодетельными распоряжениями знаменитого московского градоначальника устройство цехов постепенно приходит в должный порядок, но, говоря справедливо, нельзя не сказать, что лучшие цеховые мастера еще до сего времени иностранцы»¹³⁵. Эта картина мало изменилась и к концу столетия: «Если пойти по Невскому проспекту или по Большой Морской, то дай бог увидеть одну вывеску с русским именем на двадцать вывесок с иностранными именами. Все лучшие, наиболее роскошные магазины

Реклама из издания: Коммерческий указатель города С.-Петербурга, составленный Викентием Кишкиным-Жгерским на 1831 год

Тем не менее в московских справочниках пушкинской поры можно обнаружить немало швей и портных с русскими фамилиями, но принято считать, что их изделия не отличались изяществом. Однако сохранившиеся отзывы современников позволяют утверждать, что и некоторые русские швеи пользовались успехом у взыскательной публики в обеих столицах. В Петербурге, например, славилась мастер-

ская г-жи Соловьевой. В 1820-х годах современники отмечали московский «модный магазин русской, где шляпки, платья, все дамские наряды ознаменованы тонким вкусом, прекрасною отделкою. Это магазин г-жи Бажановой»¹³⁷. Ольга Александровна держала мастерскую на Софийской улице в доме Медынцева и, судя по объявлениям, сотрудничала с парижскими фирмами¹³⁸. Купчиха состояла в браке с Иоганом Федоровичем Вернером «из иностранцев»¹³⁹, что, вероятно, способствовало успеху предприятия. Их ателье существовало по крайней мере до начала 1840-х¹⁴⁰.

Вездесущая «Северная пчела» неоднократно писала о чете Лапиных, имевших мастерскую на Большой Миллионной. «Одна русская художница, г-жа Лапина, делает искусственные цветы в Петербурге так хорошо, что они ни в чем не уступают парижским. <...> Выписав из Парижа все инструменты и получая из всех столиц новые образцы, г-жа Лапина занимается своим искусством как истинная художница, с любовью к своему делу и желанием совершенства»¹⁴¹. «Г-н и г-жа Лапины, содержащие магазин и фабрику искусственных цветов. дошли до высокой степени совершенства в сем роде промышленности, и произведения их фабрики могут в полном смысле заменить цветы парижские. Все, что появляется нового в столице Франции, немедленно поступает в продажу в магазине г-д Лапиных в том же самом виде, хотя сделано в Петербурге. Недавно изобретенное в Париже ис-

кусство наклеивать по крепу или атласу цветы в букетах и гирляндах, перенято г-жой Лапиной с удивительною точностью, и мы были свидетелями, что самые опытные знатоки не могли различить парижской работы с петербургскою. Верность рисунка, яркость красок и чистота отделки в трудах г-жи Лапиной приобрели бы ей уважение и в самом Париже, и вся разница между русским подражанием и французским вымыслом состоит в том, что русский товар едва ли не вдвое дешевле. Г-жа Лапина принимает всякого рода заказы, как для уборки головы цветами, так и для отделки платья гирляндами и букетами, по образцам или по рисункам. Имея достаточное число искусных работниц, она исполняет заказы в скорейшем времени. Иногородные могут выписывать от г-жи Лапиной как цветы, так и платья, которые будут пересланы скроенными и уложены безопасно от повреждения»¹⁴².

К середине столетия число наших соотечественников, занятых производством модной одежды, увеличилось, и русские имена стали чаще мелькать в различных публикациях. Журнал «Пантеон» писал в 1854 году: «Патриотки наши предпочитают теперь делать свои заказы мантилий, бурну[сов], визиток, манто и проч. у русских мастериц и в русском магазине, а не у француженок, как это до сих пор бывало. Это одна из самых отрадных мод. И действительно, разве эти мадамы и мадмоазели и до сих пор пожинали лавры и деньги не русскими руками? Все их искусство состояло только в ловкой французской болтовне, очень убедительной для

легкомыслия. В Русском магазине в доме Энгельгард есть отделение дамских готовых вещей, где принимаются заказы на все возможные дамские наряды, и все эти наряды ничем не уступают в работе и доброте таким же произведениям, за которые... разные французские модистки запрашивают втридорога и которые они производят руками тех же самых мастериц, которые работают и на Русский магазин. Отделение это принадлежит Л. Шарову. За дешевизну и добросовестность можно поручиться»¹⁴³.

Похожие наблюдения находим и в журнале «Москвитянин»: «Здесь в Москве редкая женщина порядочного круга не знает Анну Ивановну Ребристову: платья, сшитые ею (по техническому выражению), сидят превосходно и удивительно спокойно. <...> Франтихи из среды мелкого чиновничества, небогатых помещиков, учителей, одним словом всего среднего малоденежного сословия, имеют своими модистками Прасковью Грациоти, Настасью Ежикову, Аграфену Ильину, Марью Татаринову, Воронкову и проч. и проч. <...> У некоторых из этих модисток бывает какое-то чутье изящное; иногда они безотчетно делают свое дело прекрасно; так небогатая швея Воронкова (на Спиридоновской улице, в доме Сонцева) делала платья некоторым моим знакомым, и почти всегда безукоризненно хорошо. <...>

Так я знала одну молодую, умную даму, она всегда была одета превосходно, я почитала ее страшной мотовкой и потом узнала, что она, беспрестанно выезжая, не пропуская

ни одного сколько-нибудь значительного бала и праздника в Москве, издерживала на свой туалет не более шести сот руб. сер. в год.

Помилуйте, графиня, – она имела этот сиятельный титул, – да с вас Дюбуа (об этой известной в Москве мастерице будет сказано ниже. – *Авт.*) более этого переберет за фасон! – Дюбуа, мой друг? – отвечала она с улыбкой, – да я никогда не отдаю свои платья шить на Кузнецкий мост.

– А так на вас работает Ребристова?

– Совсем нет, я отдаю шить свои наряды Никитиной.

– Откуда вы выкопали такую мастерицу?

– Это не богатая портниха, она живет у Пречистенских ворот, в доме Штольц.

– И она вам отделявает все платья?

– Покрой ее превосходен. Что же касается до отделки и фасонов, то я сама получаю *Moniteur de la mode* и не скушаю толковать с моей портнихой, приказывая ей гарнировать мои наряды по моему вкусу»¹⁴⁴.

Автор, по-видимому, имеет в виду московскую мещанку Елизавету Поликарповну Никитину, «жившую в мастерицах у мадам Анет» и открывшую в 1837 году собственный магазин дамских уборов в Леонтьевском переулке в доме князя Юсупова¹⁴⁵. В 1840 году ее ателье держалось на 1 работнице и 4 ученицах¹⁴⁶. В 1860-х женская портниха Елизавета Никитина работала в Пречистенской части в доме Штольц¹⁴⁷.

Адрес-календарь на 1874 год упоминал женскую швею мещанку Елизавету Никитину, имевшую мастерскую в Пречистенской части, 5-й квартал, дом Селезнева¹⁴⁸.

Москвичка Елена Ивановна Розанова достигла такого успеха в шитье дамских туалетов, что получила право именовать себя поставщицей императрицы Марии Александровны¹⁴⁹. Модное заведение располагалось в собственном доме мастерицы на Маросейке. Она состояла в браке с купцом 2-й гильдии Алексеем Афанасьевичем Розановым, на начало 1874 года ему было 31 год от роду¹⁵⁰.

В повести «Купеческая дочка», опубликованной в 1854 году, русская Аграфена Терентьевна весьма успешно руководила небольшой мастерской, и к ней порой заглядывали благородные заказчицы. «Владея магазином со шляпками в одной, хотя довольно отдаленной части города, за Москвою рекой, она слыла в своем кружке, между мелким купечеством, известною «Маршанд де-модю», так все ее называли, так значилось и на вывеске магазина, пред которым раза два в год, а иногда и более, останавливалась карета, запряженная цугом. Стало быть, заезжали в магазин к Аграфене Терентьевне и важные барыни. Что за дело, любопытство ли заглянуть в магазин с курьезною вывескою, или мелкий расчет достать повыгоднее наряд, или отдать сшить подешевле незатейливое платье, привлекало к ней госпож, разъезжающих в каретах цугом, но гордая подобною честью. Маршанд

де-мода, знала, что у нее были знатные барыни, соседи это видели, и если в подобный день кто-нибудь из них являлся к ней с просьбою вычистить, или переделать старый чепчик, она обыкновенно говорила: «Помилуйте, когда мне возиться с этим старьем, видите, за мною приезжают, вот еще сегодня приданое заказала графиня...» Фамилия ее не затрудняла, и первая графская фамилия выступала на сцену. Впрочем, несмотря на эту отговорку, старые чепцы и шляпки оставались в магазине для переделки, и ни одна работа не ускользала из рук сметливой магазинщицы. Но за то, в силу остановившейся у ее дверей кареты, лишний рубль перепадал в карман ловкой Маршанд де-моды. <...> Аграфена Терентьевна пользовалась большим уважением у родных, и советы ее принимались безоговорочно»¹⁵¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.